

С РУССКИМИ В ПЛЕНУ

Рядовой 14-го пехотного батальона Австралийской Армии Рэймонд Томас Эйрс (Raymond Thomas Ayres) попал в плен в апреле 1917 года под Буллекуртом вместе с сотнями своих соотечественников. На протяжении многих месяцев плена Эйрс работал и жил рядом с русскими военнопленными. Он сдружился с ними и оставил об этом периоде своей жизни интересные воспоминания...

В городке Вез/Wez в Бельгии

По прибытии нам выдали по одеялу и отвели в барак. У каждого была своя кровать, на каждой кровати был матрас, набитый соломой, и в сочетании с одеялом все это дало нам возможность почувствовать себя в раю. Всего 50 человек из наших были отправлены в Вез из разных лагерей, половина из них была представлена бывшими солдатами английских и шотландских полков. Половина нашего барака состояла из спальни, другая комната была столовой. В ней были столы и табуретки, посреди комнаты стояла печь. Все было абсолютно чистым, и мы высоко оценили эту перемену...

Помимо британцев здесь находились примерно 100 русских. Они были самыми подавленными людьми, которых я когда-либо видел. Они выглядели так, что было видно - дух их полностью сломлен, и все надежды умерли. Они могли сидеть во дворе часами, уставившись в землю, не двигаясь и не переговариваясь друг с другом...

Пайки здесь были такими же, как и в других лагерях. Эрзац-кофе утром, суп в полдень и хлеб с вареньем, колбасой, и т.п. вечером. В полдень русским давали суп прежде, чем англичанам. Таким образом, русские получили наихудшую часть, так как самая гуща была на дне котла.

Шакенхофф (Германия)

По прибытии сюда нас встретили около 60 русских, которые засыпали нас вопросами. Русские были физически крепкими ребятами, каждый не ниже 5'10" (около 180 см). Они хорошо выглядели, проведя в плену по три года. А сколько времени вы были в плену? Откуда вы? Нам задавали всевозможные вопросы, и мы отвечали на них. Один из них говорил по-английски, но они предпочитали спрашивать напрямую, без переводчика.

Заметив наш изможденный вид, они спросили, не проголодались ли мы. Когда им сказали, что мы, по сути, умираем с голоду, они бросились кто куда, и через несколько минут мы увидели напротив себя огромную кучу картошки. Они начали чистить ее, и, когда ведро стало полным, его поставили на огонь. В середине сарая была печь, столы и стулья были расставлены вокруг нее. Уже вскоре картошка сварилась и была съедена. Они попросили нас дать им знать, когда у нас кончится картошка, и обещали принести еще. Было еще много случаев, в которых нам было за что благодарить русских за оказанную нам помощь.

Позднее, после полудня, нам выдали наши хлебные пайки. На 10 человек выдавали одну буханку. Русские резали буханку на десять частей. Один парень из десяти уходил в дальний конец комнаты и становился спиной к столу. Другой спрашивал: «Чья это?». Тот называл имя, и хлеб выдавали названному. Все они, казалось, были людьми одной религии – греко-католической (традиционная ошибка – ВК), и перед каждой едой они молились, многократно крестясь. Каждый вечер перед отбоем они выстраивались в шеренгу и пели гимны...

Работая и живя вместе с ними, мы имели возможность изучить русских. Физически они были крупными ребятами, ростом в среднем 5'10" (185см) и весом между 12 и 15 *stones*

(75-95кг). Все носили бороды. С точки зрения ментальности они приблизительно соответствовали 7-8-летним детям. Только ограниченное число из них могли читать и писать. Фигурально выражаясь, ширина плеч у них была 4'6" (135 см), а ширина лба – полдюйма (1.25см). Хотя они были невежественны очень во многом, у них были добрые сердца, и они всегда были готовы протянуть руку помощи... Всякий русский, которого мы встречали, страдал комплексом неполноценности. Они смотрели на нас снизу вверх невзирая на нашу национальность.

Мы часто обсуждали войну под разными углами зрения. По-видимому, они попали в плен примерно 9 месяцев после начала войны, когда запасы оружия и снаряжения у русских были весьма ограничены. Часто люди на линии фронта не имели винтовок, и в очень редких случаях человек, которого сменял другой, не должен был передать ему свое оружие. Ох, у них были большие орудия! Они были меньше, чем километр друг от друга. Когда им сказали, что при Позьерс, Моке и Буллекурте наши орудия стояли колесо к колесу, над нами посмеялись, и мы разобрали, что о нас говорят, как о сумасшедших. Между собой они часто упоминали имя Распутина.

Находясь здесь, мы были заняты на разнообразных работах. Весной местность выглядела как на картинке. Вокруг зеленели поля, на которых росли картошка, рожь, репа, красная капуста, было много пастбищ. Одной из наших работ был сбор картофеля... Русские всегда одевали на работу шинели, которые застегивали у шеи, не продевая руки в рукава. Возвращаясь с работы, они всегда несли под мышками мешки с картошкой, надежно спрятанные под шинелями. Они все носили темно-синюю униформу для военнопленных. На брюках были коричневые лампасы два дюйма шириной, коричневые полосы были также на рукавах гимнастеров и шинелей. Такая же полоса была на шапках...

Кроме капрала, за нами присматривали два охранника. Один из них, довольно злобная личность, любил врываться по утрам в барак и, размахивая винтовкой, выгонять нас на улицу. Должно быть, одним утром я крепко спал, так как первое, что я запомнил в тот день, был удар прикладом, который рассек мое ухо. Я до сих пор ношу этот шрам...

Мы провели в Шакенхоффе только два дня, когда случился сильный снегопад. Мы с ужасом ждали этой холодной зимы, так как у нас не было ни теплой одежды, ни крепкой обуви. Русские, как обычно, были добрыми самаритянами, снабдив нас перчатками и шарфами.

Наша работа зимой ограничивалась лесозаготовками – лесоповалом и работой на пилораме. Лес находился примерно в 7 километрах от наших барачных дворов, и нас вывозили на санях, которые тащили лошади. Мы сильно мерзли и тряслись, сидя в санях. Временами мы деревенели, и, казалось, холод уже не беспокоил нас. Русские, заметив это, заставляли нас прыгивать с саней и идти пешком... В лесу мы валили деревья и отгружали их, или грузили на сани дрова для деревенских нужд. В лесу температура воздуха была на 10-20 градусов выше, чем в поле.

Лесозаготовки были особенно тяжелы для нас, и вскоре Джим изобрел средство смягчить трудности. Должно быть, он много занимался психологией, так как он мог читать мысли любого человека, вне зависимости от его национальности, после короткого общения с ним. Немцы, как и русские, были очень серьезными ребятами и обладали тяжеловатым чувством юмора. Джим и я собирали ветки и утыкали их в снег. Он стоял и давал указания, пока не оставался доволен тем, что они находятся строго по прямой. Потом мы менялись местами. Русские тем временем называли нас «сумасшедшими англичанами».

Потрясающий случай произошел как-то раз в этом лесу. Русские рубили деревья топором, а потом, уйдя вперед, оставили топор на месте. Когда понадобился топор, немец попросил русского принести его. Русский ушел. Через полчаса, после того, как русский так и не появился, немец забеспокоился. Только через 4 часа русский пришел, ведя за собой на веревке быка! Русский ушел в лагерь и привел из коровника быка! Немец не мог понять,

что было смешного в этой ситуации, и страшно ругался. Стоит сказать, что слова «топор» и «бык» в немецком языке звучат похоже, как и в английском, и иностранца можно было простить за то, что он их спутал.

День зимой очень короток, и в 4 часа было уже темно, так что с учетом времени на дорогу, рабочий день тянулся не слишком долго. Как-то мы разбились на две партии, причем охранник остался только с одной группой. В лесу водились олени, и интересы хозяев поместья охранял егерь. Он все время ездил верхом и всегда носил темные очки, вероятно, для защиты от снежной болезни.

Во время работы наше внимание привлек олень, который, очевидно, был сильно перепуган. Всеми силами он старался удрать подальше. Тут мы услышали крик, который в тишине разнесся на мили вокруг. Один из русских, поспешивший на крик, заметил, что олень застрял между двумя молодыми деревьями. Русский закричал, чтобы ему поскорее принесли нож. Мы уже предвкушали оленину на ужин, но еще до того, как мы приблизились к месту происшествия, неизвестно откуда появился егерь и спросил нас, в чем дело. Мы объяснили ему, что пытаемся освободить животное. Он подождал, пока олень не был отпущен, и ускакал прочь. Опоздай он на пять минут, нашим мечтам суждено было бы сбыться.

По утрам, после метелей, нас часто водили на станцию убирать снег с железнодорожного полотна. Пригоняли всех, и нам приходилось расчищать путь на протяжении 200 ярдов, чтобы дать возможность тронуться поезду после остановки на станции. Иногда некоторых из нас оставляли там, чтобы разгрузить вагоны. Рядом находилась фабрика сгущенного молока. После того, как сливки отвозили на маслобойню, сгущенку отправляли на фабрику, чтобы добавить в нее сахар и законсервировать. Мы ни разу не возвращались с работы без мешка с сахаром или фляги с молоком. Как-то, разгружая сахар, мы заметили на ветке вагон с тремя замками и красными печатями на дверях. Русские объяснили, что это был вагон с зерном, отправляемым на мельницу. В правом верхнем углу вагона было окошко размером 1'6" x 1' (45x30см), на которое мы указали русским. Охранник ушел прогуляться, что он часто делал в то время, когда мы работали на станции. Они сказали, что поскольку сами они ребята крупные, никто из них не сможет пролезть в такое маленькое окошко. Это должны были сделать либо я, либо Джим. Когда дело касалось еды, не было препятствий, которые нельзя было бы преодолеть... Меня затолкали в окошко, и я начал заполнять зерном подаваемые мне мешки... После этого на протяжении нескольких недель зерно, сахар и сгущенное молоко были нашей основной едой...

Воскресенья были выходными. Русские развлекали нас своей гармошкой и народными танцами. Каждый из них был артистом, когда речь шла о танцах. Мы получали огромное удовольствие от представлений, и нам никогда не надоедало смотреть их чечетку или народные танцы. Иногда они устраивали борьбу, и явно не были просто любителями в этом виде развлечений. Уровень импровизированных концертов был столь высок, что привлекал и местных жителей, и мы с нетерпением ждали воскресений...

Как-то Джим и я сидели в фургоне, в который были запряжены быки, управлял им русский. Появился Риттмастер (хозяин поместья - ВК). Несколько секунд он смотрел на нас, потом рявкнул: «А ну прочь с фургона, свиньи. Вы что, думаете, я кормлю быков для того, чтобы катать вас по поместью?» Он отлично говорил по-английски, в противном случае то, что мы могли бы ответить ему, доставило бы нам кучу неприятностей... Русский долгое время после этого находился в расстроенных чувствах, хотя он и не ехал в фургоне. Все эти русские обращались к немцам со словом «Хозяин»....

Мы сильно мерзли. Когда началась оттепель, наши башмаки сносились, и один из русских приделал к ним деревянные подошвы, что очень помогало нам в борьбе с сыростью. Я считаю, что самое холодное время года – это оттепель. Повсюду слякоть, и невозможно держать ноги сухими. Носки наши давно сгнили, и мы оборачивали ноги газетами. Когда

начал сходить снег, наш рабочий день удлинился, и нам стали давать тысячу разных работ...

Еженедельно мы получали письма из дома. Я никогда не забуду первый день, когда мы получили письма. Русский переводчик – Франц Сикоски – сообщил нам, что у охранников на руках куча почты для каждого из нас. В тот вечер я получил 30 или 40 писем. Что за праздник! Я поспешно открывал письма и читал новости. Потом я рассортировал письма по порядку и перечитал их снова. Другие ребята сделали то же самое. Воспоминания, новости от любимых... Поплакал и пошел спать. Русские, должно быть, удивлялись нашему возбужденному состоянию. Только двое из них за все время получили письма, так как очень немногие из них умели читать и писать...

Наступил счастливый для нас день. Мы распаковали наши посылки [Красного Креста] и были совершенно ошеломлены ассортиментом продуктов – говядина, макароны, свинина с бобами, супы, лосось, селедка, сардины, чай, сахар, сгущенка, какао, рис, мука, шоколад, кофе, мыло, табак и сигареты, небольшая посылка с рождественским пудингом, фиги, печенье, бекон, варенье, консервированные фрукты и масло. Русские потеряли дар голоса, когда увидели все это. Мы решили, что раз они хорошо относились к нам, мы должны ответить тем же, так что, открыв банки с говядиной, маслом и т.д., мы пригласили их «принять в этом участие».

Русский обычай есть отличается от нашего. Мы едим порознь, они коллективно. Они кладут еду в миску, и группа людей садится вокруг нее, и каждый ест своей ложкой. Они говорили нам, что у них дома это – обычай. Они пьют очень слабозаваренный чай, хотя и любят чаепитие... После еды мы дали каждому из них по пачке сигарет и разделили некоторые посылки и мыло между ними. Чего говорить, в ту ночь никто не спал, настолько все были возбуждены...

Еду для охранников и для русского переводчика готовила немка – фрау Ловски. Вся их еда состояла из супов и сухофруктов с картошкой. Раз в неделю им готовили мясо с черносливом, персиками, абрикосами и картошкой. Эта женщина стала вдовой во время войны и сильно переживала потерю мужа. Иногда она говорила с нами об ужасах войны. Часто она вспоминала при нас день, когда мужчины уходили в армию. Это было праздником для всей деревни. Солдаты уезжали на поезде очень рано утром. Целую ночь вся деревня провела на станции с песнями и танцами вокруг костра. Утром солдаты расселись по вагонам и отбыли на русский фронт. Война должна была закончиться через три месяца, а солдаты должны были вернуться, овеянные славой... Увы! Через шесть месяцев ее муж был убит...

Вне зависимости от количества работы воскресенья и религиозные праздники были выходными. Русские как-то спросили нас, не хотим ли мы посетить дом, где живут польские гражданские лица, и послушать концерт. Мы были полны желания и в воскресенье отправились в «польский дом». Оркестр из двух гармошек играл музыку. Мы танцевали с женщинами, в то время как пение и чететка сопровождали концерт. Женщины были довольно крепкими и работали в глиняных карьерах. Несмотря на тяжелый характер их работы, они были очень довольны собой. Во время пребывания в этом доме нас поразило то, что немцы не стали отделять мужчин от женщин. В каждой комнате было по восемь кроватей, и в каждой комнате жили и мужчины, и женщины. Некоторым девушкам было всего по 20 лет.

Концерт был в самом разгаре, когда один из поляков поспешил в дом и возбужденно закричал: «Комендант!». Все немедленно бросились к окнам задней части дома. Нас (британцев) оттолкнули в сторону, и русские повыскакивали из окон. В тот момент, когда я и Джим уже собирались последовать за ними, открылась дверь и голос коменданта сказал нам: «Хальт! (Стой!)». Мы спрыгнули на землю и стали оглядываться, ища русских. В 300 ярдах через поле проходила дренажная канава. Русские спустились в нее и поплелись

через грязь к нашим баракам. В канаве было на фут грязи, а в глубину она была не более 18 дюймов. Русские согнулись пополам и торопились как могли. Каждого из них было видно выше колена на мили вокруг. Ну а мы остались там, где были, и стали ждать.

Комендант, очевидно полагая, что прыгать для него будет слишком, выбежал из дома и через несколько мгновений появился в мощном автомобиле и поехал за русскими. Через несколько минут мы построились в шеренгу и оказались под словесным огнем: «Что вы там делали? Вы что, не знали, что польский дом находится за пределами поместья?» Потом он увидел англичан, одетых во все новое. «А эти пленные кто такие?» - «Англичане,» - ответил один из русских. – «А что делали англичане в польском доме?». Так же, как в прошлом, в подходящих случаях, мы отвечали «не понимаем» на все его вопросы. Он затем повернулся к русским и спросил их, могут ли «английские свиньи» говорить по-русски. Получив негативный ответ, он сказал русским, что раз мы не говорим ни по-немецки, ни по-русски, на них лежит ответственность за то, что мы оказались за пределами поместья, и что они будут наказаны. Наказание заключалось в многочасовой недельной ежевечерней маршировке с мешком песка, привязанным к спине. К нам это не относилось...

Двое русских дали нам знать о своем намерении совершить побег и попросили нас дать им кое-какие продукты в дорогу. Мы дали им четыре буханки немецкого хлеба (сами мы не ели немецкую пищу с момента получения продуктовых посылок), говядину, макароны, бекон, чай и сахар. Меньше, чем через неделю, их поймали, и, что самое удивительное, их нашли по дороге на Берлин. Мы спросили их, почему они не пошли на восток. Они спросили: «А вы были когда-нибудь в России?» – «Нет,» – ответили мы. Мы оторопели, когда они сказали: «Так откуда же вы знаете, где она?». Таков был образовательный уровень среднего русского.

Один из русских – Франц Иванов, хорошо образованный и приятный человек, - стал нашим большим другом. Все остальные, казалось, всегда искали у него совета по любому вопросу, даже довольно тривиальному. Он сказал нам, что был политическим заключенным в Сибири, но за счет вмешательства своего влиятельного дяди и большой взятки был освобожден. «В России, как и в других странах, всем заправляют деньги,» – было его мнение. Сибирь, как он объяснил нам, сильно отличалась от Сибири, какой мы всегда ее себе представляли. Убежать из ее пустынных снежных просторов было невозможно. Заключенные в большинстве случаев жили в деревнях, а не в тюрьмах, окруженных высокими стенами, как мы раньше думали... Франц всегда думал о нашем комфорте, и нам было за что его благодарить со дня прибытия в Шакенхофф.

Поскольку военные действия между Россией и Германией прекратились, большинство войск в тот момент возвращалось с Восточного фронта. Командование [германское – ВК] намеревалось послать эти войска на Западный фронт и укрепить там свои позиции, но у солдат, судя по всему, было другое мнение на этот счет. Они считали, что раз они выиграли свою войну, их стоило не заталкивать на другой фронт, а демобилизовать. У гражданских не было ясного мнения на этот счет, так как практически все солдаты, ранее воевавшие на Восточном фронте, отказывались воевать во Франции. Даже сейчас я ничего не знаю, что случилось с полками, которые взбунтовались.

Поскольку почти все войска уже вернулись с русского фронта, Франц думал, что появилась хорошая возможность для побега. Он собирался бежать вместе с русским по фамилии Тахмян (Tahmian). Мы сказали ему, что вся наша еда в его распоряжении (наши запасы не уступали хорошей овощной лавке). На другой день, попрощавшись с нами и оставив разные сувениры, он ушел. Мы ничего больше не слышали о нем, значит, побег им удался. После репатриации я написал Францу несколько писем, но, очевидно, из-за строгой цензуры, он так и не получил моих писем.

К тому времени большевизм стал главной силой в России, и русские постоянно говорили о большевистском движении. Им была присуща острая ненависть к евреям...

Я поцарапал руку, и это стало доставлять мне неприятности. Несмотря на повторные ванночки в горячей соленой воде, воспаление постепенно пошло дальше, и меня послали в госпиталь в Гердауен. Мне было жалко покидать Шакенхофф, так как мы стали хорошими друзьями с русскими...

Хайлсберг

По прибытии в Хайлсберг меня отправили в барак, где находились пленные всех национальностей – французы, сербы, русские, итальянцы, французский цветной пехотинец и один парень из нашего батальона – Лес Адамс. У него было воспаление на ноге, и он был в госпитале со того времени, как попал в плен под Буллекуртом...

В то утро, когда я прибыл, меня отвели на осмотр к немецкому и русскому докторам. Они сказали мне, что, если состояние моей руки не улучшится в течение ближайшего дня-двух, ее придется ампутировать. Я сказал им, что не соглашусь на это ни при каких обстоятельствах. Этот осмотр взвинул меня, так что по возвращении в барак я грел свою руку в соленом кипятке часами. Я всегда верил в лечение «свыше», и моя вера оправдала себя, когда через несколько дней рука пошла на поправку.

Русские доктора хорошо присматривали за пленными. Некоторые из них были настоящими мастерами. Они делали великолепные операции, причем без хлороформа, которого в Германии вечно не хватало. Доктор Пуров мог говорить на языках всех военнопленных, которых он лечил – английском, французском, русском, сербском, польском и итальянском. Он был очень популярен среди ребят, находившихся в лагере.

Русский доктор, присматривавший за нашим баракком, сказал, что моя рука будет в порядке через несколько недель. Он предложил мне учить его английскому час в день при условии, что он будет все время держать меня в госпитале. Я согласился. Эти люди глубоко погружались во все, что они ни делали. Он мог посвятить целый урок улучшению произношения одного слова, какому-либо времени или глагольному спряжению. Ежедневный часовой урок постепенно удлинялся, пока я не стал учить его с 2 до 5 каждый день. Он был полон желания овладеть языком, и до того времени я и не представлял, насколько это трудно...

Материалы для этой страницы получены из Австралийского Военного Мемориала/Australian War Memorial

Возврат к главной странице www.warsstory.org